

Борис Рыбаков
Геродотова
Скифия

Борис Рыбаков

Геродотова Скифия

«Алисторус»

2010

Рыбаков Б. А.

Геродотова Скифия / Б. А. Рыбаков — «Алисторус», 2010

«Геродотова Скифия» – одна из самых известных книг знаменитого российского историка. В ней анализируются данные греческого географа и историка Геродота (V в. до н. э.) о племенах, живших в Восточной Европе в I тысячелетии до н. э. На основе новейших археологических данных академик Б.А. Рыбаков подтверждает достоверность сообщений Геродота или их пересматривает, устанавливает маршрут путешествия греческого географа, раскрывает содержание греческих легенд, записанных Геродотом, восстанавливает маршрут похода Дария Гистаспа в Скифию. На основе новейших археологических открытий составлена этногеографическая карта Скифии. Значительное место в книге отведено истории славянских племен, которые, по мнению автора, изначально обитали на просторах Восточной Европы от Эльбы до Днепра.

© Рыбаков Б. А., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Введение	5
Реки Скифии	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Борис Рыбаков

Геродотова Скифия

Геродот Галикарнасец родился незадолго до Персидских войн и прожил до Пелопоннесской войны.

Содержание его книги обширно и блестяще. Его цель состояла не в том, чтобы написать историю какого-нибудь одного города или племени – он хочет в одном сочинении описать многочисленные и разнообразные события из жизни Европы и Азии.

Дионисий Галикарнасский

Введение

После полувековых разрушительных греко-персидских войн, во время которых многотысячные армии азиатской деспотии многократно вторгались в богатые греческие земли, в Афинах, в главном городе победителей, отстоявших свободу Эллады, ощущался большой национальный подъем. Демократические реформы стратега Перикла, трагедии Эсхила, Еврипида, Софокла, скульптуры Фидия, смелая философия Анаксагора, архитектурные замыслы Иктина и Гипподама – все это проявления того расцвета, который знаменовал собой преодоление тревог и опасностей изнурительной повсеместной войны. Сразу же после заключения мира с персами создаются два бессмертных произведения: Парфенон и «История» Геродота. Оба они символичны: постройка Парфенона, начатая в 447 г., должна была загладить следы разрушения афинского акрополя персами в 480 г., а «История» Геродота – рассказать о борьбе с персами.

Геродот прибыл в Афины в том же 447 г. (совершив уже большую часть изыскательских путешествий) и приступил к своим знаменитым публичным чтениям по истории только что прекращенных греко-персидских войн. Пока строился Парфенон, Геродот литературно оформлял свой монументальный труд, разделенный потом на девять книг по числу муз. Афиныяне, согласно молве, отметили труд историка небывало щедрой наградой, дав ему в дар 10 талантов серебра.

Историк того времени не располагал, подобно современным нам историкам, архивами, не искал письменных документов, не изучал хроники событий; ему самому приходилось эти документы впервые создавать, впервые заносить на папирус и пергамен услышанные им рассказы о событиях. Для того, чтобы добросовестно осветить события, происходившие во всех концах греческого, персидского и египетского мира, историку можно было объездить эти пространства, найти очевидцев, расспросить их и записать их рассказы; это и называлось – история.

Около десятка лет (примерно 455–445 гг.) Геродот посвятил тяжкому труду путешественника. Он объездил Эгейское море, побывал во многих городах континентальной Греции, был в Персии, Египте, Италии, Македонии, Скифии. Пределы его путешествий очерчиваются на карте Старого Света гигантским четырехугольником: Элефантина на Ниле – Фурии в Южной Италии (2300 км); Фурии – Синдика у Керченского пролива (2000 км); Синдика – Вавилон (1600 км); Вавилон – Элефантина (1500 км).

В записи Геродота вошли исторические сведения, легенды, эпические сказания, этнографические наблюдения, живые личные впечатления путешественника, сопоставляющего виденное в разных землях. Этот огромный фонд, собранный две с половиной тысячи лет тому назад, представляет непреходящую ценность. Напрасно Фукидид упрекал Геродота (не называя, впрочем, его по имени), говоря: «Я не считал своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного...» Геродот же следовал другому принципу: «Я обязан сообщать все,

что мне говорят, но верить всему не обязан» и весьма добросовестно расставлял в своем труде коэффициенты достоверности, то явно сомневаясь в рассказанном ему, то слегка настораживая читателя, то удостоверяя правдивость записанного им.

Для истории нашей родины наибольший интерес представляет четвертая книга труда Геродота («Мельпомена»), посвященная походу персидского царя Дария I Гистаспа в Скифию. Здесь описаны реки и природа Скифии, обычаи скифов, соседние с ними племена и сообщены интереснейшие сведения о походе Дария, существенно отличающиеся от позднейшей версии Ктесия.

Вероятно, для установления истины в противоречивых воспоминаниях об этом походе и было предпринято Геродотом одно из его последних путешествий – поездка к северным берегам Черного моря.

Покорив Вавилон и ощутив себя владыкой Азии, царь Дарий двинул в 512 г. семисоттысячное войско из Суз к берегам Черного моря; через три месяца царь должен был достигнуть Босфора. Переправившись из Азии в Европу, персы вторглись во Фракию, проделали путь до Дуная (около 600 км) и, перейдя Дунай, начали свой неудачный скифский поход (примерно такого же протяжения), закончившийся где-то на северном берегу Азовского моря.

Если Геродот хотел узнать правду о скифском походе Дария, являвшемся интродукцией к греко-персидским войнам, и познакомить своих читателей со злоключениями царя, побеждавшего греков, то он должен был пойти по следам Дария и выяснить все подробности поражения персов. Поступил ли так «отец истории», мы увидим в дальнейшем. Геродот предпринял путешествие спустя 60–70 лет после скифского похода Дария. Ему могли встретиться престарелые очевидцы событий, многое могли рассказать сыновья очевидцев, но следует учитывать, что к этому времени успели уже создаться легенды, оформиться эпические циклы о победе скифских царей над Дарием, а это все вносило в его записи фольклорный элемент, который потомки могли поставить ему в вину.

* * *

Современники восторженно встретили труд Геродота, путешественника и изыскателя, историка и в некоторой мере политика. Софокл написал оду в честь Геродота; «Следы его влияния, – отмечает С.Я. Лурье, – сохранились в пьесах Софокла, Еврипида, Аристофана»¹. В 445 г. «Геродот был почтен Советом афинян за то, что прочел им свои книги»². Геродот был близок к Периклу, Протагору. Он был одним из организаторов колонии в Фуриях в Южной Италии (443 г.), где, возможно, и оформилась окончательно его «История».

Однако обилие разнородного материала, собранного во время далеких разъездов, свободное, легкое изложение, использование преданий и легенд – все это давало пищу для критики и сомнений. Фукидид был первым, бросившим упрек в отсутствии должной строгости. Проявил скепсис и Аристотель. Плутарх, написавший трактат «О злокозненности Геродота», обвинял его (через пятьсот лет после его смерти) в искажении истины, но все это относилось к тем распрям между различными греческими городами во время нашествия персов, в которых Геродот твердо стоял на стороне Афин, а Плутарх был беотийцем. Скифской четвертой книги Геродота Плутарх не коснулся вовсе.

В XIX–XX вв., когда непонимание источника нередко прикрывалось высокомерным гиперкритицизмом, на Геродота нередко обрушивались, обвиняя его не столько в политической тенденциозности, сколько в путанице, недобросовестности, излишнем доверии к своим информаторам и даже в плагиате у неизвестных авторов.

В 1883 г., почти буквально повторяя Плутарха, против Геродота выступил английский ориенталист А. Сейс³, но получил весьма решительный отпор от крупного знатока и пере-

водчика Геродота киевского профессора Ф.Г. Мищенко⁴. «Географические, топографические, исторические и особенно бытовые известия Геродота о Скифии и скифах, – писал Мищенко, – по справедливости считаются драгоценными и по достоинству должны быть признаны единственными для своего времени»⁵.

Другим примером недоверчивости к данным Геродота может служить отношение исследователей к его рассказу о походе Дария в 512 г. Р. Генниг, суммируя мнения Мюлленгофа (1870 г.), Эберта (1921), Мейера (1923), приходит к выводу, что «сообщение о персидском походе в страну скифов полно явных небылиц. Повествование Геродота как с точки зрения стратегической, так и географической порой совершенно бессмысленно»⁶. К достоверности рассказа о походе 512 г. я вернусь в специальном разделе.

Изучение скифов и их соседей, описанных Геродотом, в настоящее время продвинулось настолько далеко, так много новых археологических фактов открыто в разных концах Геродотовой Скифии, что многие старые мнения и запоздалые рецидивы скепсиса иногда кажутся наивными.

Сводку всех работ и мнений по скифскому вопросу за XIX и первую половину XX в. сделал в своей книге С.А. Семенов-Зусер⁷. Западную науку познакомили со скифами М.И. Ростовцев и Эллис Миннс⁸.

Накопление новых материалов не означает того, что все спорные вопросы геродотоведения разрешаются сами собой. Наоборот, обилие новых данных ставит ряд новых, не возникавших ранее загадок, требует пересмотра старых мнений.

Состояние проблем скифоведения на 1952 год осветила Н.Н. Погребова⁹. Наиболее свежая и полная советская и зарубежная библиография по разным вопросам скифоведения на рубеже третьей и четвертой четвертей XX в. приведена в работе А.М. Хазанова¹⁰. Эта книга написана А.М. Хазановым без пересмотра историко-географических данных Геродота, и автор ее довольствуется теми усредненными представлениями, которые существуют в науке наших дней. А в этих представлениях, как будет показано ниже, содержится много разноречий (а, следовательно, и ошибок), проистекающих то от недоверия к Геродоту, то от непонимания его, то от желания использовать авторитет «отца истории» для подкрепления гипотез, возникших за пределами круга геродотовских сведений. Не подлежит сомнению, что понять скифское общество, его историю, его этнический склад, хозяйственную и социальную структуру, взаимодействие племен между собой и многие другие важные вопросы возможно лишь после того, как станет достаточно ясной география Скифии, над изложением которой для своих современников так потрудился Геродот.

Мне представляется целесообразным заново пересмотреть всю географическую часть четвертой книги Геродота, т. к. к настоящему времени не только накоплен массовый археологический материал, допускающий широкое картографирование, но он надлежащим образом систематизирован и изучен трудами многих советских ученых, из числа которых следует назвать Б.Н. Гракова, А.И. Тереножкина, В.А. Ильинскую, О.Н. Мельниковскую и А.И. Мелюкову¹¹.

Предпринимать в настоящее время какой-либо пересмотр *общей картины Скифии* по Геродоту без учета археологического материала невозможно. Последняя, известная мне, подобная попытка обойтись без археологического материала была сделана чехословацким ученым Яном Збожилом в 1955 г. и издана посмертно¹². Автор, судя по его итоговой карте, сделал шаг назад по сравнению со своими предшественниками.

В Геродотовой «Мельпомене» содержится свыше десятка темных, неясных мест, мешающих правильному восприятию записей историка. В задачу этой книги входит сопоставление геродотовских сведений с археологической картой и усиленный анализ геродотовских расска-

зов с географической и этнической стороны. Анализ производился под девизом: «Прежде чем упрекнуть Геродота, постарайся понять его».

* * *

Попытки перенесения сообщений Геродота о Скифии на современную географическую карту делались начиная с эпохи Ренессанса. Одной из первых является карта Абрагама Ортелиа «Pontus Euxinus», изданная в 1590 г., где объединены данные Геродота, Клавдия Птолемея, Плиния, Страбона и даже авторов VI в. н. э. Для своего времени эта карта-реконструкция сделана вполне грамотно.

За четыре столетия накопились многие десятки карт, на которых исследователи стремились воспроизвести географические и этнографические представления Геродота. К сожалению, далеко не всегда сведения Геродота рассматривались в целостной, взаимосвязанной системе. В тех случаях, когда автор придерживался системы и рассматривал все племена в совокупности, результат получался интересный и устойчивый. В качестве примера могу привести карту из известного атласа И. Потоцкого, изданного еще в 1823 г.¹³ Ко многим отождествлениям этой карты, отброшенным в свое время наукой, нам теперь, после полутора столет, придется вернуться; составитель ее был еще свободен от сковывающего воздействия традиций и размышлял без предвзятых идей¹⁴.

К тяжелым последствиям приводили разыскания, посвященные какому-либо отдельному вопросу, искусственно изолированному от общего взгляда на географическую концепцию Геродота. Примером может служить определение местоположения племени будинов. В геродотовском тексте есть некоторые противоречия и неясности (IV, §§ 21, 22, 105, 108, 109, 123)¹⁵, отчасти оправдывающие разноречия комментаторов. Однако вместо разъяснения темных мест, тщательного анализа текста, рассмотрения ошибок Геродота и причин его ошибок исследователи нередко брали какой-то один признак или одно из пониманий геродотовского признака и позволяли своей фантазии размещать злосчастных будинов в самых различных местах Центральной и Восточной Европы.

Будинов размещали то в Среднем Приднепровье, как на левом, так и на правом берегу Днепра, то отодвигали их в Белоруссию и к берегам Балтийского моря, то помещали в Пруссии или около озера Ильмень¹⁶. Иногда будинов отодвигали на восток к Курску или к Воронежу, а иногда еще дальше – к Саратову. Ф. Браун, говоря о будинах, утверждал, что их потомки переселились ни много ни мало как «в Архангельскую тундру»¹⁷. Один и тот же автор то относил будинов к отдаленнейшим племенам, жившим в таежной зоне «к северу от р. Камы и до р. Вятки»¹⁸, то помещал их в самых низовьях Волги в прикаспийской солончаковой пустыне¹⁹. Нисколько не смущаясь тем, что Геродот дважды говорил о *лесном* характере земли будинов, исследователи, проявляя полное неуважение к Геродоту, размещали будинов в Калмыцкой степи у берегов Каспия, но уже на запад от дельты Волги, а не на восток, как Ельницкий²⁰. Западный предел размещения будинов указывали то в районе Житомира, то значительно дальше – в Галиции, т. е. в Прикарпатье.

Размещение будинов различными исследователями

Карта, которая отражает различные мнения о местоположении будинов, производит удручающее впечатление; она свидетельствует о том, что авторы, заставляющие обитать будинов в тундре, Пруссии, прикаспийской пустыне, руководствуются *не системой* взглядов Геродота, а какими-то случайными признаками, вырванными из контекста и сильно обработанными бесконтрольным воображением.

Четыре столетия историки переносили сведения Геродота на карты своего времени, основываясь только на его тексте и собственном понимании этого текста.

С появлением массового археологического материала, давшего карту курганов и поселений, бытовой инвентарь, оружие и великолепные изображения скифов, изготовленные греческими торевтами, карта, раскрывающая сумму знаний Геродота, могла быть построена только с опорой на археологию.

Каждый археолог-скифолог, разрабатывающий скифскую проблему в целом, создавал карту размещения Геродотовых племен. Однако оказалось, что карты крупнейших скифологов не только не обнаруживают единства, но и значительно отличаются друг от друга. Примером существенных расхождений, приводящих к взаимопогашению гипотез разных авторов, может

служить сопоставление шести карт Скифии по Геродоту: М.И. Артамонова (1949), А.П. Смирнова (1966), Б.Н. Гракова (1947 и 1971), А.И. Тереножкина (1961), А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской (1971)²¹.

Расходятся между собой даже карты одного и того же автора, составленные в разное время. Размещение одного и того же племени колеблется иной раз в диапазоне 200–800 км и приурочивается к разным ландшафтным зонам.

Принять в качестве основы какую-либо из этих шести исключаящих друг друга схем не представляется возможным, т. к. их авторы не подвергают подробному разбору аргументы своих предшественников и недостаточно аргументируют свои собственные положения.

Как эволюционировали взгляды одного и того же автора? Б.Н. Траков в 1947 г. дал схему, охватывавшую на севере бассейн Десны и Оку, где он разместил соответственно андрофагов и меланхленов. Будины были размещены на территории современной Мордовии. На схеме 1971 г. того же автора меланхлены оказались на 800 км южнее; будины простерлись от Нежина до Хопра, сдвинувшись на 500 км к западу. Андрофаги вообще исчезли. Скифы-земледельцы в 1947 г. были показаны вертикальной надписью от Никополя до Путивля, а в 1971 г. – от Ингула до Донбасса. Невры с правобережья Припяти передвинулись в лесостепь, а скифы-пахари выдворены из лесостепи на юг, в степь, в 100 км от моря (на схеме 1947 г. там были алазоны, убранные со схемы 1971 г.). Со схемы 1971 г. исчезли скифы-кочевники. Общая тенденция переработки Б.Н. Граковым своей схемы 1947 г. заключается в значительном сдвиге всех народов на юг. На обеих граковских схемах отсутствуют гелоны.

М.И. Артамонов, опубликовавший свою работу два года спустя после книжки Б.Н. Гракова, не принял его схему 1947 г. (за исключением невра и скифов-пахарей). Гелоно-будины у него расположены от р. Синюхи через Днепр и до Харькова; меланхлены оказываются южнее будинов и расположены от Полтавы до Изюма. Андрофаги тоже оказались южнее гелоно-будинов на Правобережье Днепра в районе Тясмина. Скифам-земледельцам Артамонов отвел правый берег Днепра от устья до порогов. Схема Артамонова тоже, как и вторая схема Гракова, сдвигает геродотовские племена к югу.

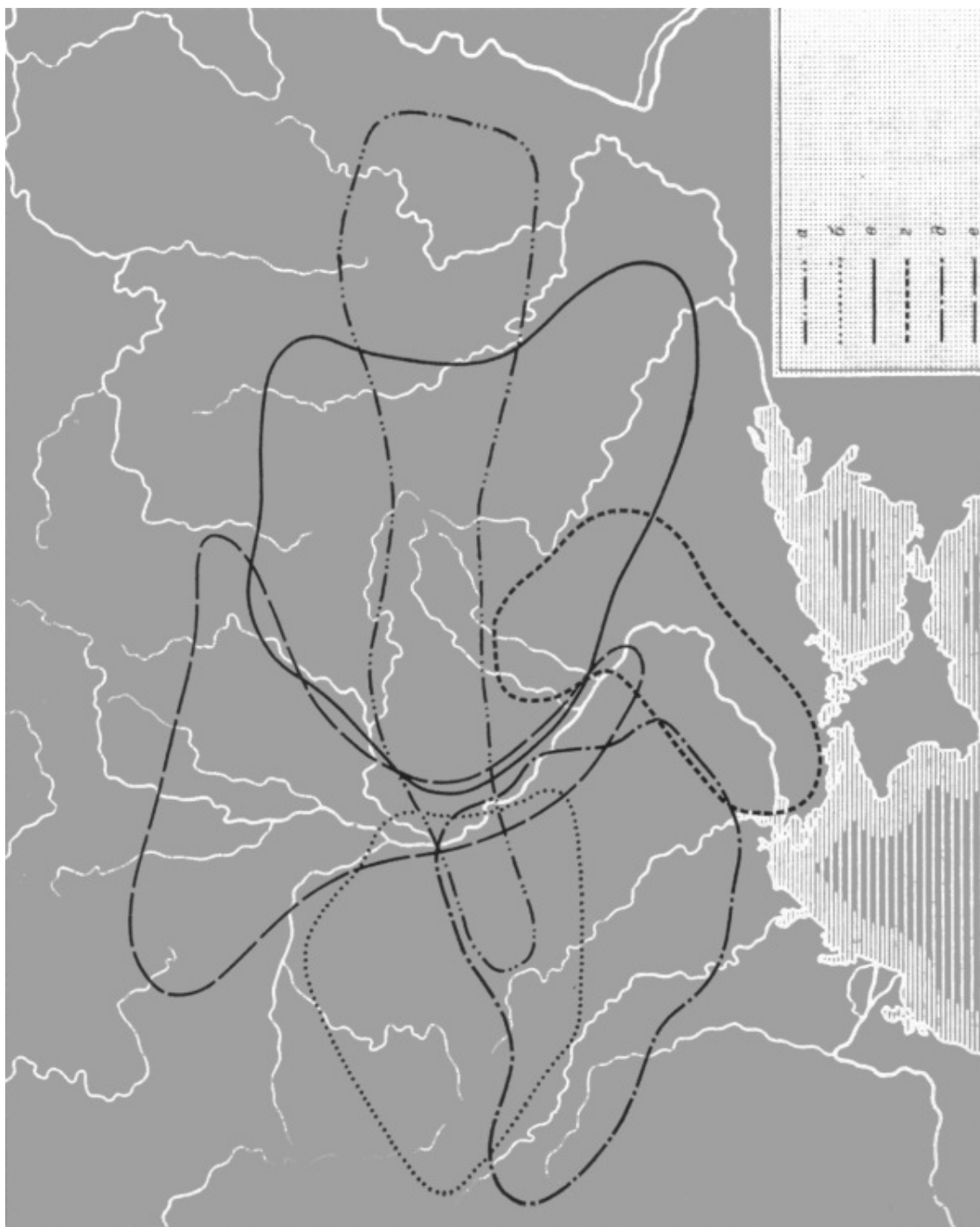
Схема А.П. Смирнова не указывает гелонов и андрофагов и оставляет необозначенным все лесостепное Левобережье Днепра. Скифы-земледельцы размещены так же, как у Гракова, но только не на правом, а на левом берегу Днепра. Меланхлены показаны от Новгорода-Северского на восток за Дон, примерно до Мичуринска.

Не остались без изменений и взгляды А.И. Тереножкина: в 1961 г. скифов-земледельцев он размещал в излучине Днепра у порогов (по обоим берегам), а на схеме 1971 г. они показаны так, как меланхлены у Артамонова – от Полтавы до верховий Северского Донца. Не показаны на обеих схемах Тереножкина и Ильинской гелоны²².

В посмертно изданной работе Артамонова нет карты, но словесное изложение размещения племен позволяет определить, что и этот автор не остановился на своих первоначальных выводах²³.

Область скифов-пахарей он расширил за счет всего Среднего Приднепровья, а территорию скифов-земледельцев сузил «самыми низовьями Днепра не выше Каховки» (т. е. на протяжении 100 км). Андрофагов, будинов и меланхленов (по Артамонову все они – предки литовцев и латышей) он размещает в лесной зоне по Припяти и Десне.

Новая схема Артамонова раздвигает геродотовский набор племен к северу, отказываясь от первоначального слишком резкого расселения племен на юг.

Мнения археологов о размещении племен.

Сводная карта:

а – будины;

б – невры;

в – меланхлены;

г – скифы-земледельцы;

д – скифы-пахари;

е – андрофаги

Трудно подвести итог работам крупнейших скифологов, прекрасно владевших новым археологическим материалом. Геродотовская номенклатура племен использовалась каждым

автором, но ни один из них не предпринял полного нового пересмотра геродотовского текста, выявления противоречий в этом тексте и объяснения этих противоречий.

Из Геродота черпали как имена племен, так и некоторые кажущиеся ясными географические ориентиры; довольствуясь этим, надписывали карту, сообразуясь с общей характеристикой археологических материалов. Нетрудно заметить, что многие важные звенья геродотовской этнонимии выпадали из схем: гелоны выпали из схем Гракова, Смирнова и Тереножкина; скифы-кочевники из схемы Гракова 1971 г.; андрофагов нет на схемах Смирнова и Гракова 1971 г.; исчезли алазоны со второй схемы Гракова.

На основании шести указанных выше схем размещения геродотовских племен Скифии можно составить сводную карту. Такая усредненная искусственная карта, разумеется, абсолютно не пригодна для определения истинного положения племен. Ее объективное содержание исчерпывается показом тех территорий, в пределах которых четыре разных исследователя указывают местоположение того или иного племени. Образовавшиеся на сводной карте пространства, как правило, охватывают *по несколько* разнородных археологических культур каждое, что свидетельствует об отсутствии единого принципа у четырех исследователей. С точки зрения приближения к истине эта историографическая карта тоже малоутешительна. Она подчеркивает широкий географический диапазон колебаний в определении племен, показывает неустойчивость мнений. Как видим, ни одну из предложенных шести схем нельзя взять за основу при дальнейших исследованиях, т. к. подробная новая аргументация отсутствует, взгляды предшественников детальной критике не подвергнуты. При этих условиях разные и противоречивые гипотезы просто погашают друг друга.

Как видим, карту Геродотовой Скифии необходимо создавать заново.

* * *

Для выхода из существующей путаницы необходимо рассмотреть в комплексе, в единой системе все данные Геродота, не подразделяя их на значительные и незначительные, на достоверные и кажущиеся сомнительными. Многие вопросы придется первоначально анализировать изолированно, изучать их сами по себе, но по мере накопления их необходимо вводить в создаваемую систему и проверять этой системой. В ряде случаев придется применять метод «опережающих доказательств», допуская, предполагая доказанным то, что еще требует обоснования. Точнее будет сказать так: исследователь должен довести анализ всех частных вопросов до конца и затем свести их в систему, но изложение для читателя, во избежание повторений, придется вести, используя время от времени те выводы, которые еще не доказаны (в прочитанном читателем тексте), но будут доказаны в последующем.

Для того, чтобы подойти к таким важным историческим вопросам, как географическое размещение скифских племен и поход Дария Гистаспа, необходимо предварительно рассмотреть целый ряд частных вопросов, а именно: письменные источники Геродота, общий облик Скифии, расстояния, указанные Геродотом, природную среду и общий археологический фон, реки Скифии, маршрут Геродота, местные устные источники. Известно использование Геродотом трудов Гекатея Милетского (VI – начало V в. до н. э.), Аристеея Проконесского (VI в. до н. э.) и знакомство с какой-то общей географической картой, которое отразилось в §§ 36–42 четвертой книги. Возможно, что Геродот видел и карту (или ее копию) Аристагора Милетского, изображавшую персидскую «царскую дорогу» от Суз до Сард в Малой Азии, протянувшуюся на 13 500 стадий (V, §§ 49–54)²⁴. По Аристеею, которого Геродот подробно цитирует, им указан путь на восток к исседонам и аримаспам, находившимся где-то близ Южного Урала. Сложнее определить то, что Геродот почерпнул у Гекатея. Геродот неоднократно упоминает «логографа Гекатея, сына Гегесандра» как политического деятеля, противника ионийского восстания против персов (V, § 36), или же как историка (VI, § 137), но у Геродота нет ни одной ссылки на

«Землеописание» Гекатея. Дошедшие до нас отрывки из сочинений Гекатея свидетельствуют о хорошем знании им тех мест, которыми Геродот интересовался меньше: Синдика, Колхида и северо-восточное побережье Понта²⁵. Поскольку сам Геродот не был географом-теоретиком, то вполне возможно, что он в свои записи включил уже существовавшее до него обобщенное представление о Скифии как об огромном квадрате 4000 × 4000 стадий. Был ли автором этой схемы Гекатей или кто-либо другой из греческих географов VI–V вв. до н. э., сказать нельзя, но наиболее вероятно, что не Геродот был создателем идеи «скифского тетрагона».

«Скифия представляет собою четырехугольник, две стороны которого доходят до моря, причем линия, идущая в глубь материка, такой же длины, как и та, что тянется вдоль моря. Так, от Истра до Борисфена – 10 дней пути и столько же от Борисфена до Меотиды. С другой стороны от моря внутрь страны до меланхленов, что живут над скифами, – 20 дней пути. Дневной путь я определяю в 200 стадий. Таким образом, Скифия в поперечнике имеет 4000 стадий. Такой же длины и те прямые стороны ее, что идут внутрь материка. Такова величина этой страны» (§ 101).

Кому бы ни принадлежала идея скифского квадрата, Геродот дополнил ее собственными расчетами: «Начиная от Истра я буду описывать с целью измерения²⁶ приморскую часть собственно скифской земли» (§ 99). В результате получился драгоценный источник, дающий не только общее представление о Скифии, но и конкретные величины и точное определение такой меры длины, как «день пути».

Существует несколько попыток представить себе скифский квадрат. Раулинсон сторонами квадрата считал: на юге – Черное море, на западе – р. Прут, а на востоке – северозападный берег Азовского моря²⁷. При этом Прут и азовский берег идут на его реконструкции строго по линии север – юг. Отдаленные от моря углы квадрата приходятся на этой схеме на истоки Прута и на устье Дона.

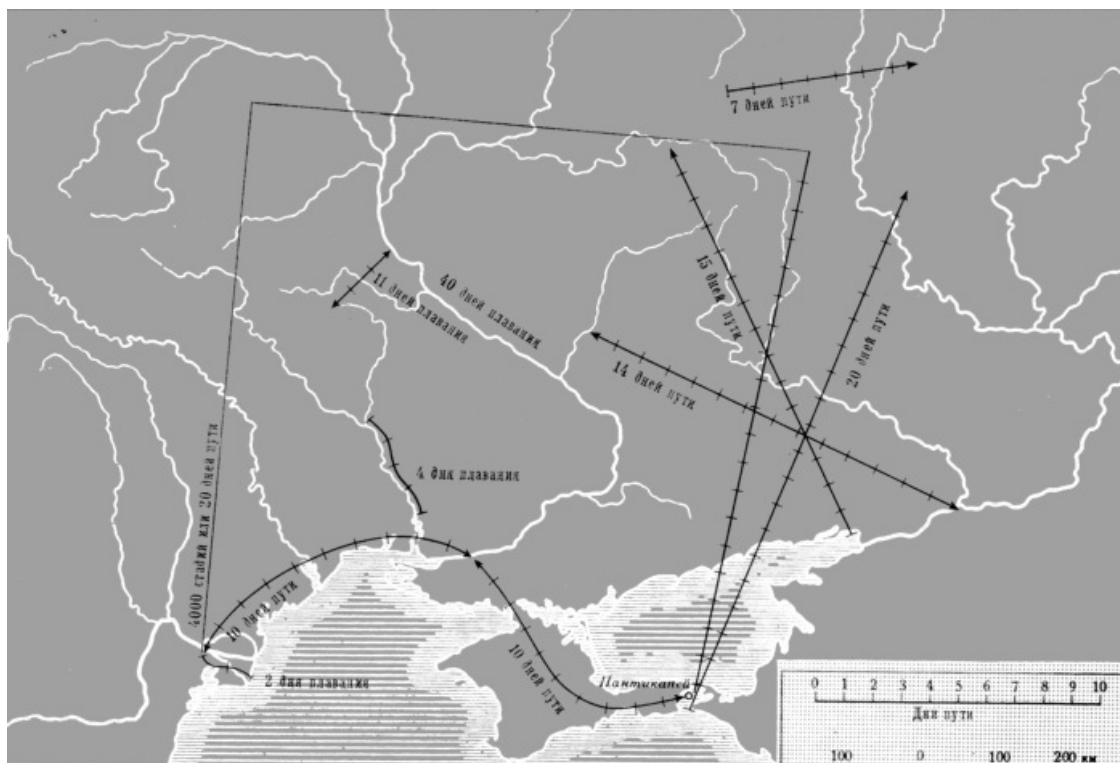
П.Н.Кречетов предложил другую схему, в основу которой положен косо поставленный квадрат: одну (юго-западную) сторону его образуют Дунай и побережье Черного моря до южной оконечности Крыма; юго-восточную сторону образует побережье Крыма, Керченского п-ва и Азовского моря. Северным углом квадрата оказывается озеро в верховьях Днестра²⁸.

Схема Раулинсона, если перенести ее на современную карту, разрежет Скифию по линии: верховья Прута – Запорожье – устье Дона. Вся Скифия в глубину займет всего-навсего 200–220 км, что совершенно не соответствует 4000 стадий. Схема Кречетова увеличивает это расстояние лишь на 20–30 км, что также противоречит Геродоту.

При разборе всех данных Геродота очень мало внимания обращалось на указываемые им расстояния в днях пути или в днях плавания. Их привлекали выборочно и произвольно. А между тем применительно только к Скифии и окружающим ее народам Геродот семь раз указывает точное расстояние в днях пути и пять раз в днях плавания. Впредь до завершения исследования мы не всегда можем достоверно определить точки отсчета (например, расстояние от будинов до тиссагетов равно 7 дням пути), но мы должны представлять себе эти расстояния и вспоминать о них в надлежащем месте.

Некоторые трудности представляет и многообразие античных мер длины: дельфийская стадия, аттическая стадия, олимпийская и т. д. Наиболее вероятным считается применение Геродотом аттической стадии в 177,6 м. День пути в 20 стадий будет равен 35,5 км, что вполне соответствует средней протяженности обычного дня конного пути.

Попытаемся проверить определение Геродотом южной, приморской стороны скифского квадрата. От Дуная до Днепра должно быть 10 дней пути. Если мы проведем линию вдоль берега, но не по самой кромке, а в 30–40 км от моря, (чтобы избежать переправ через многочисленные лиманы), то получим 350 км, т. е. полное совпадение с данными Геродота: расстояние от Истра до Борисфена преодолевается в 10 дней по 35 км в день.

Скифский квадрат. Расстояния в днях пути

Сложнее обстоит дело со второй, восточной половиной прибрежной линии. Если ехать кратчайшей дорогой от устья Днепра до ближайшей точки Азовского моря, то на этот путь понадобится всего лишь 5 дней; он выведет к пустынному, в древности болотистому берегу в районе современного Генического.

Если же проехать от устья Днепра через Перекоп и далее степной частью Крыма к Керченскому проливу, то ровно через 10 дней пути будет Боспор Киммерийский и пристань Порфмий («Переправа») на самом краю Меотиды, где «река Танаис, впадающая в Меотийское озеро, и киммерийский город Порфмий образуют границу между Европой и Азией» (§ 45).

Скифы в бою. Золотая бляшка из кургана Куль-Оба, IV в. до н. э.

Именно здесь, на берегу Боспора кончались поселения скифов, кончалась Скифия. Естественно, что Геродот определял не извилистую береговую линию Крыма, а крайний рубеж скифов на берегу Понта у входа в Меотиду и определял его, как и западную половину стороны скифского квадрата, по сухопутной дороге.

Правильно определив (очевидно, хорошо наезженное местными греками) расстояние в обе стороны от устья Борисфена – к Дунаю и к Керченскому проливу, Геродот не заметил того, что весь этот двадцатидневный путь представлял извилистую кривую. Он условно принимал его за прямую, за южную сторону скифского тетрагона.

Голова Афины на ситуте V в. до н. э. Из находок на затонувшем челне. Р Супой (левый приток Днепра) у с. Песчаное

Протяжение скифского четырехугольника в глубь материка должно быть значительным. 4000 стадий это – 710 км. Конечно, пути, особенно в северных лесистых местах, не могли быть прямолинейны, но ориентировочно северная граница Скифии в представлении Геродота проходила примерно по 53° северной широты, т. е. вдоль Припяти, через Чернигов на Курск и далее на Воронеж. У нас нет никакой уверенности, что скифский тетрагон был геометрически правильным квадратом. Включение Серета, Прута и истоков Днестра в Скифию на западе и низовий Дона на востоке уже превращает квадрат в опрокинутую трапецию, у кото-

рой южная приморская сторона по прямой содержит 540 км, а северная должна иметь около 1000 км. Учитывая то, что древние авторы весьма неточно определяли направление на север и нередко в своих описаниях спрямляли плохо известное им направление рек, текущих в общем-то из северных земель к южному морю, мы не будем очень строги к общей географической схеме Геродота. Он дал все же представление о габаритах Скифии, заменив измеренным в стадиях пространством такие поэтические определения, как «отдаленный край земли, скифская страна, безлюдная пустыня» (Эсхил. «Прикованный Прометей»).

Приведу все расстояния, упоминаемые Геродотом, несколько округляя их:

Протяженность Скифии в глубь материка – 4000 стадий, или 20 дней пути = 700 км.

От Истра до Борисфена – 10 дней пути = 350 км.

От Борисфена до Меотиды (до устья Меотиды) – 10 дней пути = 350 км.

От моря до земли меланхленов – 20 дней пути = 700 км.

От р. Пантикапы до конца земли кочевых скифов – 14 дней пути = 500 км.

Протяжение земли борисфенитов (от неизвестной точки) – 3 дня пути = 105 км.

От угла Меотиды до земли будинов – 15 дней пути = 530 км.

От земли будинов до земли фиссагетов – 7 дней пути = 240 км.

* * *

Для получения более строгих выводов и для устранения путаницы, созданной невнимательными исследователями, совершенно необходимо учитывать данные физической географии и соотносить их с краткими заметками Геродота.

Говоря о населении Скифии, Геродот очень определенно делит его на кочевое, не имеющее ни городов, ни пашен, и на земледельческое. Следовательно, нам нужно знать границу степи и лесостепи. Скифологи-археологи давно уже на своих картах наносят эту границу двух важных ландшафтных зон. Для этой цели необходимо пользоваться картой *восстановленного* растительного покрова²⁹.

Кроме кочевников-скотоводов и земледельцев, Геродот выделяет еще два типа хозяйства: лесных конных охотников (йирки и тиссагеты) и лесных «кочевников» (будины, живущие в лесах, где водятся бобры; андрофаги, расположенные где-то за припятскими болотами). В последнем случае совершенно исключено кочевое скотоводческое хозяйство, и выражение Геродота следует, очевидно, понимать как *подвижное* хозяйство, естественное при подсечном лесном земледелии.

Физико-географические данные и заметки о хозяйственной системе должны быть совмещены с массовым археологическим материалом. В настоящее время с достаточной полнотой изучены скифские и сарматские памятники степных кочевников, лесостепные земледельческие культуры скифского типа и такие более северные культуры, как милоградская, юхновская, дьяковская, городецкая со смешанным, полуземле-дельческим хозяйством.

Учет всех доступных изучению признаков в археологических культурах VI–IV вв. до н. э. позволит точнее прикрепить геродотовские имена племен к конкретным территориям.

Реки Скифии

Достопримечательностей страна эта не имеет, за исключением разве очень больших многочисленных рек.
Геродот

При описании Скифии Геродот упоминает 17 больших и малых рек, которые служили ему ориентиром при описании народов Скифии и событий 512 г. до н. э. Реки заменяли нашему путешественнику градусную сеть позднейших географов. Важнейшие реки Восточной Европы (Дунай, Днестр, Днепр, Дон), по всей вероятности, были известны Геродоту еще до путешествия, но он уточнил сведения о них, он доискивался местоположения их истоков, описывал притоки и сообщил о многих мелких речках, по тем или иным причинам заинтересовавших его. Общий список рек таков:

Истр (Дунай) – §§ 48–50, 89, 99—101, 122, 128, 135, 139.

Тиарант (Серет), приток Дуная, – § 48.

Арар, приток Дуная, – § 48.

Напарис, приток Дуная, – § 48.

Ордесс (Ардьич), приток Дуная, – § 48.

Пората-Пирет (Прут) – § 48.

Тира (Днестр) – §§ 51, 82.

Гипанис (Южный Буг) – §§ 52, 81.

Эksamпай, приток Гипаниса, – § 52, 82.

Борисфен (Днепр) – §§ 53, 71.

Пантикапа – §§ 54, 19.

Гипакирис – § 55.

Геррос – § 56.

Танаис – §§ 57, 100, 122, 123.

Гиргис – §§ 57, 100, 123.

Оар – §§ 123, 124.

Лик – § 123.

Некоторые из этих рек легко сопоставляются с современными нам, и мы по давней традиции отождествляем Тирас с Днестром, Гипанис с Южным Бугом, Борисфен с Днепром, а Танаис с Доном. Здесь следует сделать весьма существенную оговорку: на основании имеющихся у нас данных мы имеем право говорить только о *нижнем* течении этих рек и об их устьях, дельтах и гирлах. *Истоки* же этих рек не были известны древним авторам, о чем они неоднократно писали, и мы далеко не всегда можем быть уверены в том, что весь контур реки воспринимается нами теперь так, как он воспринимался 2000–2500 лет тому назад. Приведу в пример восточное наименование Волги – Итиль. Большой неосторожностью было бы полное отождествление этих двух названий: древняя Итиль начиналась южнее Уфы (р. Белая, Белая Воложка), затем продолжалась как отрезок современной Камы от впадения в нее Белой и до впадения Камы в Волгу, и лишь после этого нижнее течение р. Итиль совпадало с современной Волгой от камского устья до моря. Вся Верхняя Волга от истоков до Казани рассматривалась как правый приток р. Итиль³⁰.

Споры о течении Танаиса-Дона велись еще во времена Страбона: «Не заслуживают упоминания писатели, утверждавшие, что Танаис берет начало в областях на Истре и течет с

запада... Точно так же неубедительным будет утверждение, что Танаис протекает через Кавказ на север. Никто не говорил, что Танаис течет с востока»³¹.

Отвергнув три направления течения Танаиса, знаменитый географ оставил только одно: с севера на юг. Страбон писал по материалам того времени, когда сарматское нашествие отрезало течение рек от береговой кромки, заселенной греками. Но уже полтора столетия спустя Птолемей мог дать точные географические координаты Танаиса:

Западное устье	66°20' вост. долг.	54°10' сев. широты
Восточное устье	67° вост. долг.	54°30' сев. широты
Поворот реки	72°30' вост. долг.	56° сев. широты
Истоки реки	64° вост. долг.	58° сев. широты ³²

Переводя данные Птолемея на современную географическую карту, мы с удивлением узнаем, что автор указал нам координаты не Дона в нашем понимании, а Северского Донца плюс нижний отрезок Дона, ведущий к морю. Меридиан истоков Танаиса – это меридиан Пантикапея; северный берег Азовского моря он пересекает несколько западнее современного Бердянска. Истоки Северского Донца у Белгорода абсолютно точно соответствуют меридиану Керчи – Пантикапея, что совпадает с координатами Птолемея. Истоки же Дона в нашем понимании отстоят на 160–170 км к востоку.

Расстояние от истоков Танаиса до берега Меотиды по Птолемею равно 484 км (5°15'), а на современной карте от истоков Донца до моря по этому же меридиану – 470 км. Если же брать Дон в современном понимании, то это расстояние (по меридиану на 2° восточнее) будет равняться 780 км. Следовательно, по координатам Птолемея Танаисом в его время называли не Дон, а Северский Донец, доведенный по нижнему течению нашего Дона до самого моря. Конечно, птолемеевским расчетам, даже при таком двойном совпадении, нельзя доверять полностью, но средневековая традиция подкрепляет полученный вывод: в Киевской Руси «Великим Доном» продолжали называть именно Северский Донец. Только в XIV в. установилось современное понимание Дона, и «Хождение Пимена в Царьград» 1389 г. дает нам географическое описание Дона, а не Донца³³.

Предполагается, что и Борисфен не полностью соответствовал нашему современному Днепру и что в качестве его истока древними рассматривалась р. Березина. В случае справедливости этого мнения следует считать, что древнее название Борисфена сохранилось до наших дней: в его верховьях (Березина) и в море близ его устья – остров Березань.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы с очень большой осторожностью отнестись к полному отождествлению древних рек с современными.

Другим общим вопросом, связанным с реками, является измерение их «днями плавания». В отличие от морских и сухопутных передвижений, где Геродот подробно аргументировал свои расчеты, здесь он ничего прямо не сказал об измерении дня речного пути. Но, судя по двум примерам (Гипанис и Борисфен), отсчет дней плавания велся сверху вниз, по течению реки, что и естественно для прибрежных греков, к которым варвары сплавляли свои товары вниз по своим рекам. Для Геродота день плавания был некоей усредненной величиной, которую он не считал нужным особо оговаривать. Вероятно, его сведения о количестве дней плавания были просто фиксацией фактического времени, потребного на покрытие того или иного расстояния.

Геродот четыре раза пользуется «днем плавания» как понятной и общеизвестной мерой. В трех случаях (§§ 18, 52, 53) его данные требуют специального рассмотрения и только в одном параграфе (89) мы можем прямо переносить их на современную карту. Речь идет о мосте через Дунай, построенном греком Мандроком для персидского войска в 512 г. Мост был сооружен у «шеи реки, там, где она разделяется на рукава». Это место отстояло от моря на два дня плавания. В этом подробном рассказе есть географическая определенность: «шея» Истра – Дунай выше Тульчи, а рукав, по которому плыл подчинявшийся персам греческий флот, очевидно,

главное судоходное гирло дунайской дельты – Сулинское. «Шея Истра» отстоит от моря на 70–75 км; следовательно, один день плавания = 36 км.

Полученная величина, разумеется, условна, т. к. нам неизвестно точное место постройки моста, и, кроме того, следует учесть, что греческий флот не спускался по реке, а поднимался вверх. Как ни медленно течение заболоченных дунайских гирл, но оно могло сказываться на скорости движения. В то же время следует учесть и большую скорость хода греческих кораблей по сравнению с плотами и челноками варваров. Важнее всего то, что Геродот говорит не о том, что флот плыл два дня по реке, а о том, что место постройки моста *отстоит* от моря «на два дня плавания», употребляя это как определение *расстояния*, а не времени (§ 89).

* * *

Рассмотрим все 17 рек Геродота в том порядке, в котором он сам их располагал.

ИСТР И ЕГО ЛЕВЫЕ ПРИТОКИ В НИЗОВЬЯХ. Дунай (Истр), крупнейшая европейская река, хорошо известная грекам, служит Геродоту точкой отсчета скифских пространств. «Прошедши через всю Европу, Истр вступает, наконец, в пределы Скифии» (§ 49). «Это – первая река в Скифской земле на западе» (§ 48). Геродот знает о разделении Истра на рукава у устья и даже сообщает, что начало дунайских гирл отстоит на два дня плавания от моря (§ 89). Правый, южный берег Дуная заселен гетами (§ 93). В нижнем течении в Истр впадают слева пять рек, «протекающих через Скифию». Геродот, отступая от своей обычной системы, называет эти реки не с запада на восток, а, наоборот, – с востока на запад, от моря в глубь материка.

Первая в таком перечне река называлась скифами Пората, а эллинами – Пирет. Это, несомненно, Прут. Вторая крупная река – Тиарант, очевидно, Серет, как думают многие ученые. В промежутке между ними (но неизвестно, в каком порядке) перечислены три речки: Арар, Напарис и Ордесс (§ 48). Из них определяется только Ордесс – Ардыч³⁴; остальные же две речки не отыскиваются даже на крупномасштабных картах, где на пространстве между устьями Серета и Прута не указывается вообще никаких речек.

Важно отметить, что Геродот их знал.

Все перечисленные пять рек Геродот назвал *скифскими* притоками Дуная, хотя здесь возникает некоторая неясность: в юго-западном углу скифского квадрата должны обитать агатирсы, «племя, по образу жизни похожее на фракиян» (§ 104) и не вошедшее в скифский союз во время нашествия Дария. Наличие *скифского* имени у Прута («Пората») подтверждает распространение скифов до этой реки.

Подробное перечисление рек и речек близ устья Дуная может свидетельствовать о личном посещении Геродотом этого исторического места, откуда Дарий начал свой скифский поход и куда он вернулся, гонимый скифами.

ТИРА. Геродот говорит о Тире очень скупо: река «течет с севера и берет свое начало из большого озера, которое служит границей между Скифией и Невридой» (§ 51).

Понятие о том, что реки вытекают из озер, является одним из шаблонов древней географии, дожившим до XVII в., но в данном случае есть некоторое основание говорить об озере: в верховьях Днестра между Самбором и устьем притока Быстрицы на пространстве около 50 км существуют обширные болота, которые могли быть сочтены за озеро. Эти болота находятся близ стыка скифских (западноподольская группа) и нескифских (поздневысоцкая, милоградская) культур. Милоградскую культуру очень убедительно связывают с Невридой³⁵.

Очевидно, античную Тиру можно полностью отождествлять с нашим Днестром.

У устья Тиры, в районе современного Белгорода, «живут эллины, которые называются тиритами» (§ 51).

Где-то на берегу Тиры «показывают ступню Геракла в скале, похожую на след человека, но в два локтя длины» (§ 82). Косвенно этот параграф указывает на возможность посещения Геродотом земли тиритов и личное знакомство с первой достопримечательностью, встретившейся на его пути.

ГИПАНИС. В отличие от краткости в описании Днестра о Гипанисе Геродот говорит подробно, сообщает точные расстояния и упоминает такие детали, которые не оставляют сомнений в его пребывании на берегах реки в ее среднем течении.

Впервые Гипанис упомянут в § 17, где перечисляются разные народы, живущие «вдоль Гипаниса к западу от Борисфена»: каллипиды (эллино-скифы), алазоны, скифы-пахари, невры. «К северу от невров, насколько мы знаем, лежит пустыня». Перечень народов (к которому мы вернемся в дальнейшем) свидетельствует о хорошем знании Геродотом этой реки.

При первом же знакомстве с геродотовским текстом возникает недоумение по поводу того, что исследователи без всяких оговорок отождествляли Гипанис с современным нам Южным Бугом.

Геродот измерил все течение Гипаниса от самого истока его из озера до лимана. Оно оказалось равным всего-навсего девяти дням плавания (§ 52), т. е., по нашим расчетам, около 324 км. Течение же Южного Буга от истоков (где нет озера) до Николаева, где уже начинается соленый лиман, равно почти 600 км. Расхождение настолько велико, что требует прежде всего проверки нашего эталона дня плавания (около 36 км), полученного на примере дунайского гирла.

Точное расстояние, исчисленное в днях плавания, Геродот указывает для Днепра от истоков до порогов: «Известно, что Борисфен течет с севера до Герра на 40 дней пути.» (§ 53)³⁶. В настоящее время уже не имеет смысла спорить по поводу местоположения «местности Герр»; это – днепровские плавни ниже порогов с большим количеством протоков-гирл и некоторое пространство к востоку и западу от этой излучины Борисфена, где были сосредоточены царские курганы скифов.

Если мы разделим все течение Днепра-Борисфена от истоков до порогов (пренебрегая мелкими излучинами) на 40 частей, то получим величину в 32,5 км, что весьма близко к дунайским расчетам и еще больше усиливает контраст между длиной Гипаниса в девять дней плавания и фактической длиной (опять-таки без мелких извилин) Южного Буга, которая в этом случае выразится 18 днями плавания. Обратимся к полному тексту § 52:

«Третья река, начинающаяся в Скифской земле, – Гипанис, вытекает также из большого озера, вокруг которого находят себе пастбища дикие белые лошади, и озеро это справедливо именуется матерью Гипаниса. По выходе из этого озера река Гипанис на протяжении 5 дней плавания мелка и имеет сладкую воду. Начиная от этого пункта до моря на протяжении 4 дней плавания вода в Гипанисе чрезвычайно горька от горького ручья, который вливается в него. Источник этот так горек, что при всей незначительности своей он делает горьким Гипанис, реку, с которой лишь немногие могут сравниться по протяжению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.